

Сканировал Мишин Николай

7

8

8

3

1952

Повесть
о настоящем
человеке

ЧАСТЬ I

Выпуск фабрики „Диафильм“, 1952 г. Д-200-52

Диафильм составлен
по одноимённому кинофильму

Сценарий М. Смирновой
по книге Б. Полевого
„Повесть о настоящем человеке“

Режиссёр-постановщик А. Столпер

Оператор М. Магидсон

В роли Алексея Мересьева —
заслуженный артист РСФСР

П. Кадочников

Весной 1942 года лётчик-истребитель Алексей Мересьев в воздушном бою с фашистскими захватчиками расстрелял все боеприпасы. Безоружного лётчика со всех сторон окружили немецкие самолёты и, не давая ему вывернуться, повели на свой аэродром.

Он нырнул под самолёты и вырвался из конвоя, но враг успел подбить машину. Мотор заглох, и самолёт Мересьева стремительно понёсся вниз.

„Плен?.. Никогда!“ — решил Мересьев.

Падая, машина задела верхушки сосен. Алексея вырвало из сиденья и, скользнув по ветвям, он упал в глубокий сугроб без сознания...

Необычайный гул и треск выгнали медведя из берлоги. В тишине леса он услышал стон человека.

Алексей очнулся, почувствовав над собой чьё-то дыхание. Стон, готовый сорваться с его губ, застыл в горле: над ним склонился тощий и ободранный медведь.

Незаметным движением Мересьев опустил руку в карман.

**Осторожно вынув пистолет, он нажал курок.
Зверь, хрипло зарывчав, замертво осел в снег.**

Алексей вскочил на ноги, но тут же, застонав, упал. Боль в ступнях прожгла всё его тело. В голове стоял глухой тяжёлый шум.

Несмотря на острую боль в ногах, Алексей решил идти на восток, идти, чего бы это ни стоило.

Каждое движение доставалось ему напряжением воли. С перебитыми и отмороженными ступнями, цепенея и пошатываясь, брёл он день за днём по снежной дороге, чтобы только попасть к своим.

Когда боль в ступнях стала нестерпимой, Мересьев вырезал из ели длинную рогатину. Упираясь в неё подбородком, он старался облегчить тяжесть тела, приходившуюся на разбитые ноги.

Однажды у лесной дороги он увидел сожжённые немецкие броневики. В кустах валялись трупы немецких солдат. „Партизаны“, — подумал Алексей.

На восьмой день влажный ветер, подувший с востока, донёс до него отчётливые звуки канонады. Линия фронта, судя по звуку, была в километрах десяти.

Алексей смотрел на восток, и радостные слёзы текли по его лицу.

Наутро, проснувшись, он почувствовал, что не может встать. Но канонада бодрила, настойчиво звала его, и он пополз, преодолевая боль и усталость.

Счёт времени он потерял. Часто не то дрёма, не то забытьё овладевали им, но сила, тянувшая его вперёд, была так велика, что он продолжал ползти.

Желудок уже не обманывали ни кусочки молодой еловой коры, ни горьковатые берёзовые почки. Мересьев терял последние силы.

Однажды посторонний звук привлёк его внимание. В кустах кто-то говорил по-русски. Алексей радостно вскочил на ноги, но тут же со стоном упал без сознания.

Очнувшись, Алексей увидел две пары любопытных ребячьих глаз и старика, который с наивным удивлением приговаривал: — Ах ты грех-то какой, вовсе истощился человек!

Дед Михайло привёз Алексея к себе в землянку.

Вся деревня заботилась о Мересьеве. Изголодавшиеся за войну люди несли ему всё, что у них ещё оставалось.

На третий день Алексей впал в беспамятство. Дед Михайло решил пробраться в расположение советских войск.

Ранним утром Алексей очнулся. Вдруг далёкий ровный рокот самолёта ворвался в землянку. Звук приближался и нарастал. У Алексея захватило дыхание.

Узнав через деда Михайло о местонахождении Мересьева, главнокомандующий выслал самолёт, чтобы доставить раненого лётчика в Москву.

Вся деревня вышла провожать Алексея. Дед Михайло долго смотрел вслед удалявшемуся самолёту, а затем торжественно произнёс: — Великого подвига человек!

У столичного госпиталя, куда направили Мересьева, была мировая слава. Госпиталем руководил известный советский учёный, который, несмотря на тяжёлые условия войны, сурово поддерживал образцовый порядок довоенного времени.

— Именно теперь, когда немцы ежедневно бомбят Москву, хорошая работа госпиталя — это наш ответ всяким гитлерам и герингам, — говорил Василий Васильевич.

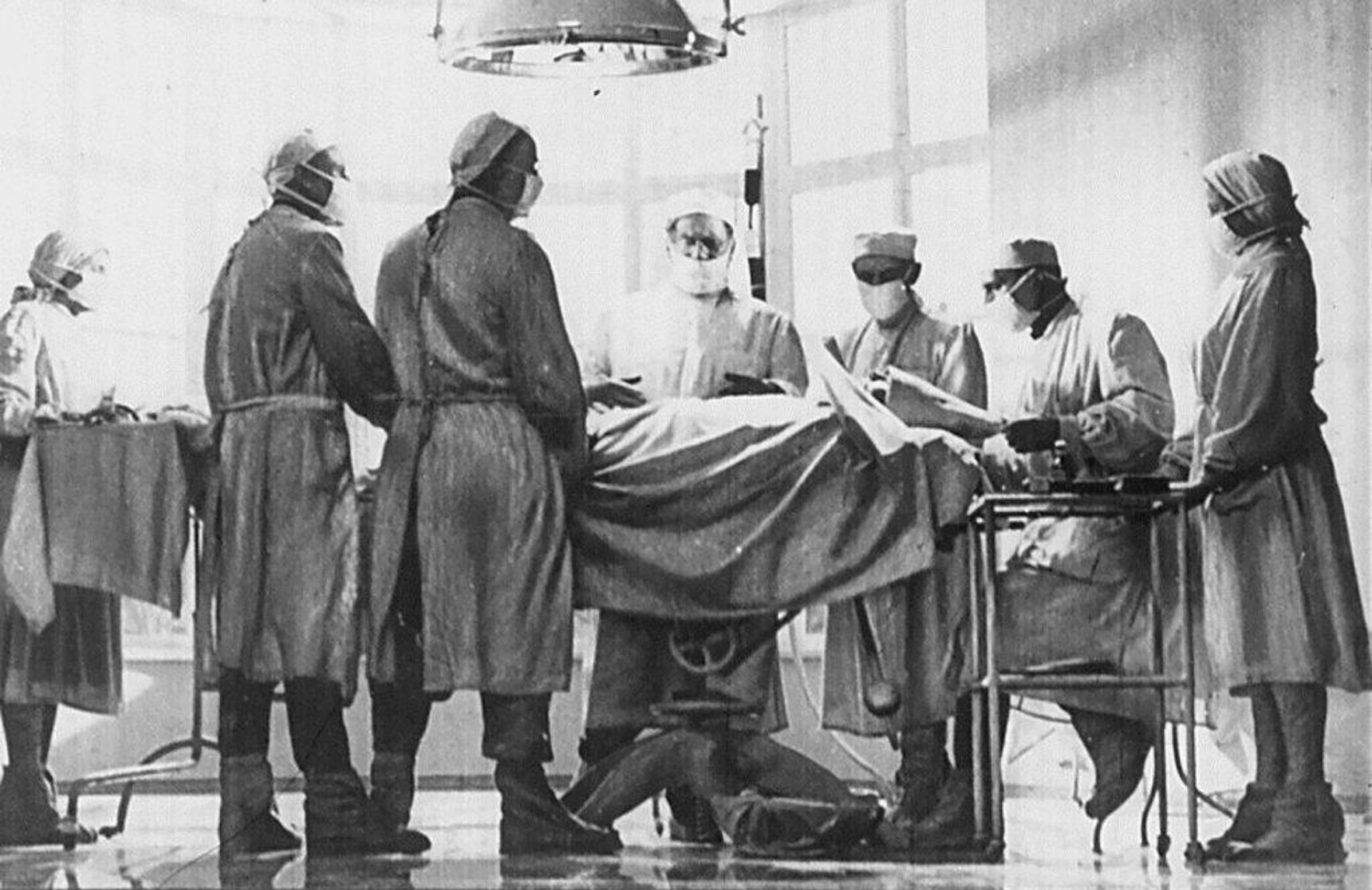

Василий Васильевич осмотрел Мересьева. — Это, конечно, преувеличение, — доложил ему ординатор, — но, говорят, больной с разбитыми ступнями восемнадцать суток выползал из немецкого тыла.

Профессор увидел тоскливые, полные тревоги глаза лётчика. — Таких, как ты, грешно обманывать, — сказал он. — Гангрена... придётся резать. Но носа не вешать, — неизлечимых болезней нет, как нет и безвыходных положений.

**Состояние сердца не позволило усыпить больного.
Во время операции он не издал ни стога, ни крика.**

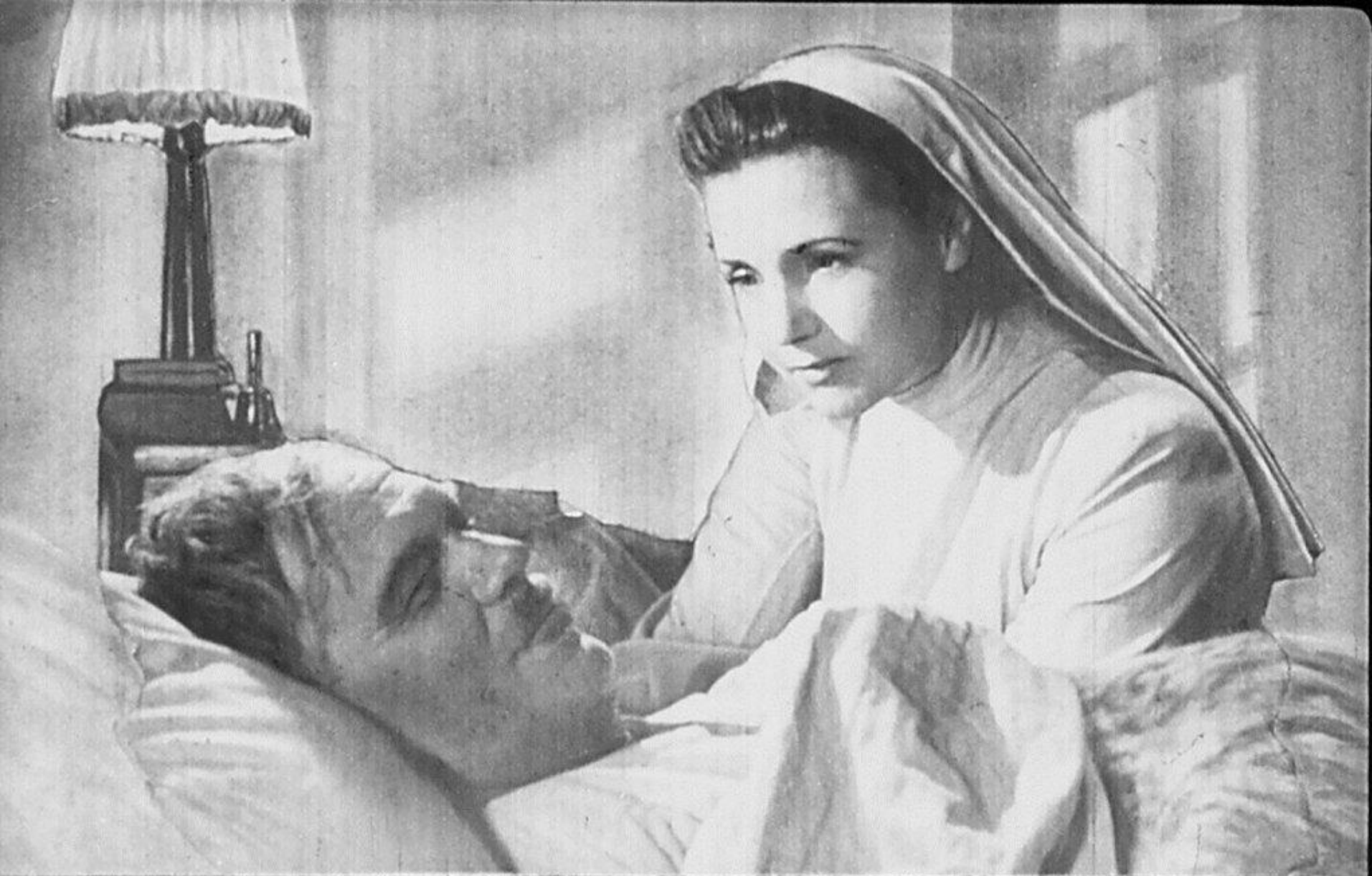

Когда Мересьева привезли в палату, его окликнул сочный, весёлый бас: — Давайте знакомиться. Полковой комиссар Семён Воробьёв.

Воробьёв, которого все называли Комиссаром, был тяжело контужен. Усилием воли он заставлял себя превозмогать нестерпимую боль. Стоило ему заснуть, как он терял контроль над собой, начинал стонать и лицо его искажалось судорогой. Зная это, он старался не спать днём, находя для себя какое-нибудь занятие. Каждое утро он проделывал гимнастические упражнения, с жадностью прочитывал газеты, деятельно обсуждая фронтовые новости, шутил или беседовал с соседями по палате, подбадривал и утешал тяжело больных.

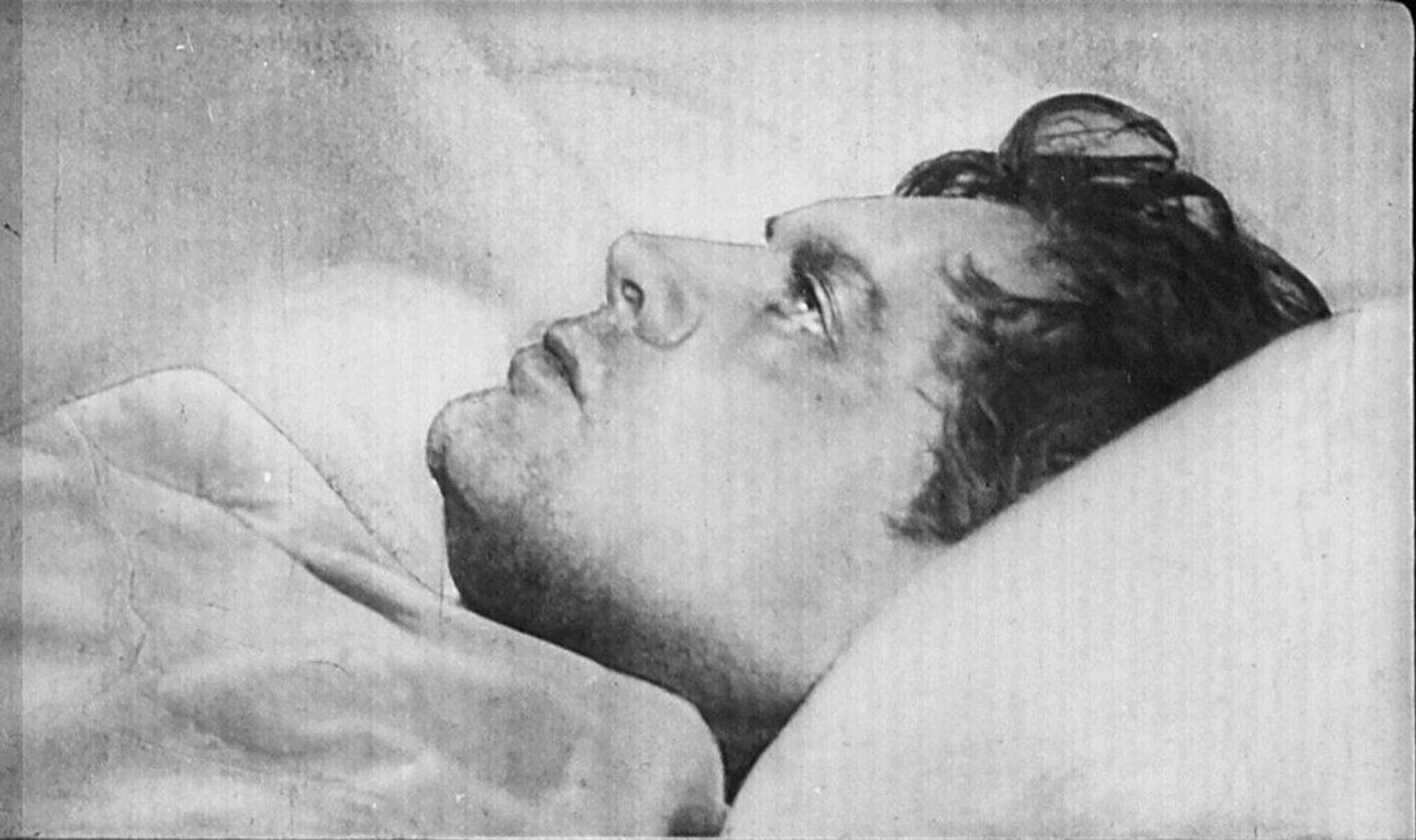
Комиссар чаще всех получал письма. Ему писали из дивизии, из тыла, просили житейского совета или помощи в делах. Он аккуратно отвечал всем.

— Люблю я военные письма, — говорил он палатной сестре Клавдии Михайловне. — Они, как лучи звёзд, идут к нам. Вот иные звёзды давно угасли, а лучи их идут долго, долго.

Страстная жажда жизни Комиссара невольно передавалась всем. Одна Клавдия Михайловна знала, каких усилий стоила ему эта неиссякаемая бодрость. — Ну зачем вы так? — говорила она. — Смеяться, шутить, когда так больно.

Железный организм Мересьева легко перенёс ампутацию. И всё же он с каждым днём слабел и чах у всех на глазах, впадая в равнодушное оцепенение.

Но всем Комиссар умел находить ключ к сердцу, один Алексей не поддавался. Однажды Комиссар, как бы невзначай, заговорил о книге Островского „Как закалялась сталь“.— Слышишь, Лёша, человек в параличе написал.

— Ну и что же, — с горечью ответил Алексей: — он же не лётчик. Ведь когда я полз, у меня цель была: выползти, летать, сражаться. А сейчас у меня отрезали эту цель вместе с ногами. Лётчик без ног всё равно, что птица без крыльев.

Глаза Комиссара засветились тёплой лаской. – Знаешь, Алексей, вот у Сталина есть чудесный образ. Буря в открытом море... рыбаки, захваченные штормом. Одни трусят, бросают вёсла, ложатся на дно баркаса. Неси, куда вынесет. И их разбивает о скалы. А другие – крепко берутся за вёсла. И гребут, гребут навстречу ветру, наперекор буре гребут. Гребут изо всей силы. И они побеждают стихию. Я в тебя верю, Алексей. Слышишь? Верю...

На другой день Комиссар передал Алексею старый журнал: — Лёша, глянь, тут о тебе написано.

В журнале, который по просьбе Комиссара был доставлен в госпиталь из библиотеки имени Ленина, Мересьев прочёл статью о русском лётчике Карповиче. Поручик Карпович был ранен в ногу немецкой разрывной пулей. У него отняли ступню, но молодой офицер не пожелал увольняться из армии. Он сделал протез собственной конструкции, долго и упорно занимался гимнастикой, тренировался и благодаря этому вернулся в армию.

— У него не было только ступни, а у меня нет обеих ног, — с горечью сказал Алексей.

— Но ты же советский человек! — ответил Комиссар.

Бледное лицо Мересьева озарилось каким-то внутренним светом, и он обвёл всех изумлённо радостным взглядом. Ночью он не сомкнул глаз. При свете ночника Алексей долго смотрел на улыбающееся лицо поручика и твердил про себя: — Я, брат, от тебя не отстану... буду, буду летать!

Среди ночи Комиссару стало плохо. Яростно сопротивлялось смерти всё его существо. Даже в бреду он упрямо повторял: — Жить... жить...

Комиссар скончался утром. На следующий день его хоронили. Сняв фуражку, шёл за гробом Василий Васильевич. Шли командиры и бойцы.

— Кого хоронят? — спросил Алексея больной из соседней палаты. Глухо, надтреснутым голосом ответил ему Мересьев: — Настоящего человека хоронят... Большевика хоронят.

Конец 1-й части

Диафильм составила
Р. Амирэджиби

Оформил художник
И. Байтодоров

Редактор Н. Каспэ

ИСТОЧНИК

- <http://diatimy.ru/5728-povest-o-nastojaschi-m-cheloveke-1.html>
- <https://vk.com/audios161314397?q=героическая%20музыка>